

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Р.Н. Пархоменко

Ю. ХАБЕРМАС О ПОНЯТИИ ИДЕИ СВОБОДЫ

Аннотация: Известный немецкий философ Юрген Хабермас (род. 1929) в своих работах много внимания уделяет рассмотрению понятий демократии и свободы. По его убеждению, формирование общественного мнения происходит не в форме компромисса, но в виде открытой публичной дискуссии, направленной на рациональную приемлемость правил в свете общих интересов и ценностных ориентаций. Субъекты права – это не собственники самих себя и не солидарные частицы целого – народа, а индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга, что и обеспечивает социальную интеграцию автономных индивидов. Говоря о личной свободе индивида, Хабермас имеет в виду не только достижение консенсуса между различными интересами, но и соотношение между собой дискурса этического самопонимания и юридической справедливости.

Ключевые слова: Политология, свобода, демократия, Французская революция, Хабермас, либерализм, право, суверенитет, равенство, народ

1. Понятие свободы

Известный немецкий философ Юрген Хабермас (род. 1929) в своих работах много внимания уделяет рассмотрению понятий демократии и свободы. Так, во время своего первого визита в Москву в апреле 1989 г., обсуждение идей демократии и идей Французской революции занимало центральное место в его лекциях – вероятно, не в последнюю очередь потому, что недавний распад СССР и крах советской идеологии показали всю актуальность этих вопросов как в России, так и во всем мире.

Немецкий философ отмечает, что хотя еще Аристотель различал политическое господство и деспотию, понятие демократии, близкое к его современному значению, можно найти впервые у Руссо. Французская революция выявила весь огромный потенциал этого понятия; Французская революция была и аргументом и событием, она «облекалась в одежды дискурса о правах разума и оставила многочисленные следы в политических идеологиях XIX и XX вв. Придерживаясь той дистанции, которая предполагается подходом политической философии, мы можем рассматривать эту мировоззренческую борьбу как своего рода лабораторию, в которой экс-

периментировали с нормативными проектами».¹ В ходе Французской революции кристаллизуется и понятие свободы в европейской философской мысли. Речь при этом идет о соотношении понятий свободы и равенства, единства и плюрализма, соотношении прав большинства с правами меньшинства.

Среди либералов того времени господствует точка зрения о том, что личные права и свободы индивида стоят над общественными установлениями. Отсюда и применительно к государству, конституция обладает приоритетом перед волей государственного законодателя. Так, Руссо, еще до событий Французской революции, трактует понятие свободы как автономию народа и как равное участие всех граждан в процедурах законотворчества.

Кант очень высоко оценивал эти идеи Руссо и писал в этой связи: «Законодательная власть может принадлежать только объединенной воле народа. В самом деле, так как всякое право должно исходить от нее, она непременно должна быть не в состоянии поступить с кем-либо не по праву. Но когда кто-то принимает решение в отношении другого лица, то всегда существует возможность, что он тем самым поступит с ним не

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции интервью, Москва, апрель 1989 г. М., 1995. С. 33.

по праву, однако такой возможности никогда не бывает в решениях относительно себя самого... Следовательно, только согласованная и объединенная воля всех в том смысле, что каждый в отношении всех и все в отношении каждого принимают одни и те же решения, стало быть, только всеобщим образом объединенная воля народа может быть законодательствующей».²

Хабермас отмечает, что основной идеей философии права у Канта стало соединение практического разума и суверенной воли, личных прав и свобод индивида с идеями демократического устройства государства. Таким образом, практика народного суверенитета, так хорошо описанная в трудах Руссо, у Канта уже выступает гарантом личных свобод индивида.

В своих рассуждениях о демократии и свободе, Хабермас говорит, что критика против господства мнений большинства в демократическом обществе была неоднородной. У Токвиля суверенитет народа – это принцип равенства, имеющий свои определенные рамки. Свободное волеизъявление народа должно быть обязательно ограничено конституцией, с тем, чтобы защитить права и свободы каждого отдельного индивида. Пытаясь избежать такого столкновения общественных и личных прав и свобод, в демократически просвещенном либерализме происходит возврат к первоначальным идеям Руссо и принцип суверенитета народа отныне не подлежит ограничению, – он лишь по-иному истолковывается.

Хабермас говорит, что в этой либеральной традиции народный суверенитет понимается как дискурсивный процесс образования мнений и воли народа, как самодифференцирующийся процесс. При этом немецкий философ ссылается на размышления Ю. Фребеля о идее всеобщей воли, развитой им в своем памфлете 1848 г. Эта идея всеобщей воли у Фребеля уже не мыслится утилитаристски – она возникает путем свободных дискуссий и голосования всех граждан общества: «Мы хотим социальной республики, т.е. государства, в котором счастье, свобода достоинство каждого человека признаны целью всех, в котором совершенство общества в сферах права и власти проистекает из взаимопонимания, соглашения всех членов общества».³

Для Хабермаса идеи Фребеля о соединении принципов свободой дискуссии с принципом большинства очень важны – не случайно он сам разработал теорию дискурса и т.н. «делиберативной» демократии.

Интерес Фребеля к роли процессов коммуникации в обществе и к влиянию этих процессов на процесс законотворчества соединился с принятием им понятия автономии, высказанным еще Руссо. Отсюда можно сделать вывод о том, что законы общества требуют согласия всех граждан государства и это согласие должно быть обосновано: «Демократический законодатель, однако, издает свои законы, имея в виду только большинство. То и другое можно соединить лишь при условии, что принцип большинства находится в некоей внутренней сопряженности с исканием истины. Итак, общественный дискурс должен опосредовать разум и волю, формирование мнений всех и формирование воли большинства народных представителей. Решение большинства может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо принять наконец какое-то решение».⁴

По мнению Фребеля, практическим определением права может быть создание и развитие идей права в государстве, ведущееся только путем открытых общественных дискуссий. Достижимые при этом решения должны быть одобрены большинством граждан государства, а меньшинство должно воспринимать эти решения большинства не как признание ложности их (меньшинства) взглядов, а лишь как отказ от практической реализации планов меньшинства – отказ до тех пор, пока представители меньшинства не смогут в более выгодном свете представить свои аргументы.⁵

Хабермас подчеркивает, что «напряженность» отношений между понятиями равенства и свободы мы можем снять только тогда, когда принцип народного суверенитета будет понят в духе сугубой конкретности. Так, Фребель укореняет практический разум в коммуникативной процедуре принятия решений. Эта процедура и устанавливает, когда политическая воля, по своей сути не тождественная с практическим разумом, получает прямую поддержку практического разума.

А это, в свою очередь, «предостерегает Фребеля от нормативного обесценивания плюрализма. Дискурс общественности – вот посредническая инстан-

² Кант И. Сочинения в 6-ти томах. М., 1965. Т. 4, С. 234.

³ Fröbel J. Monarchie oder Republik. Mannheim 1848. S. 6.

⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 38.

⁵ Ср.: Fröbel J. Monarchie oder Republik. Mannheim 1848. S. 108ff.

ция между разумом и волей. [...] Единая воля создается большинством, но соединить это с «принципом равной значимости личной воли всех» можно лишь при условии, если мы присоединим сюда еще один принцип: «С помощью убеждения сокращать заблуждения» [...] Такой принцип может утверждать себя в противовес тираническому большинству лишь в общественных дискуссиях».⁶

Другими, заслуживающими наше внимание идеями, были идеи Фребеля о необходимости образования широких слоев населения и о важности политических партий в процессе демократического принятия решений в государстве. Именно партии, а не секты или некие аморфные вольные союзы граждан должны создавать и нести на себе политический каркас демократического общества.

Хабермас отмечает интересный момент в политико-правовых рассуждениях Фребеля, о том, что тот лишает конституционный порядок любого намека на субстанциальность.⁷ Эту установку Хабермас характеризует как «постметафизическую», знаменующую собой отказ от понятия каких-либо «естественных прав». У Фребеля речь идет лишь о процедурах формирования общественного мнения и решений, а эти коммуникативные процедуры, в свою очередь, являются гарантом равных прав для всех участников такой публичной дискуссии: «Заключая конституционный договор, партии соглашаются в том, что их мнения могут действовать друг а друга исключительно в рамках свободной дискуссии. Они воздерживаются от воплощения в жизнь любой теории, пока за нее не высказается большинство граждан государства. Заключая конституционный договор, партии заключают соглашение, согласно которому единство цели определено большинством, поддерживающим теорию, но в пропаганде теории каждому индивиду предоставлена свобода. И уже в результате всех индивидуальных усилий, которые проявляют себя в голосованиях, должны далее формироваться конституция и законодательство».⁸

Именно так находятся решения, когда личные права индивида перестают конкурировать с народным суверенитетом: три первые статьи конституции

государства определяют формы и способы демократического формирования воли, а четвертая статья содержит в себе запрет на статичность и неизменность конституции, а кроме этого, в четвертой статье прописан запрет на какие-либо ограничения извне народному суверенитету.

Отныне личные свободы и права индивидов не вступают в противоречие с народным суверенитетом, они тождественны статьям конституции, опирающиеся на дискурсивное образование общественного мнения. Именно так – с многочисленными ссылками на идеи Руссо, Канта, Фребеля и Французской революции – Хабермас обосновывает историческое возникновение и необходимость принципа разделения властей, ставший сегодня краеугольным камнем любого демократического устройства государства.

По мнению Хабермаса, на формирование европейского понимания демократии и свободы наибольшее влияние оказали идеи Французской революции. Сравнивая духовный климат и национальный менталитет Франции и Германии, Хабермас замечает, что если во Франции сознание нации определяют «либеральные и социалистические толкования революции, у нас, в Германии, после первого энтузиазма современников над «идеями 1789 г.» постоянно тяготело проклятие их террористических последствий. И это относится не только к прусско-немецкому самосознанию нации. Нить консервативного, даже агрессивно-враждебного изображения истории по эту сторону Рейна прервалась только после 1945 г.»⁹

По мнению немецкого философа, во Франции революция 1789 г. способствовала формированию капиталистической системы хозяйствования и модернизации общества. Также в результате революции там формируется государственный аппарат как административное само-программирующееся государственное управление, а также понятие национального государства. Возникновение такого нового феномена в государстве как национальное сознание граждан государства сформировало и новые формы социальной интеграции, отбросив в сторону традиционные сословно-корпоративные узы, тормозящие развитие государства.

Интересно, что в то время – а эти идеи, напомню, были высказаны Хабермасом в 1989 г. во время его визита в Москву – Хабермас категорично говорит о том, что сегодня национализм «лишен привлека-

⁶ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 39-40.

⁷ Вспомним политическую философию Шмитта с его постоянным стремлением к «субстанциальному» обоснования понятий!

⁸ Fröbel J. Monarchie oder Republik. Mannheim 1848. S. 113.

⁹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 58.

тельности» и что движение мировой истории идет в направлении к «постнациональным» обществам.¹⁰ Сегодня немецкий философ, вероятно, не был бы столь категоричным, так как сейчас, в первой четверти XXI в. мы являемся свидетелями повышенного интереса к понятию нации и возрождению национальных идей по всему миру – будь то исламские государства, Индия, Китай или же Россия.

Как представляется, сегодня можно, пожалуй, утверждать о том, что процессы «экономической» глобализации не ведут автоматически и к «глобализации» политической сферы, к размыванию границ и постепенной утрате национальной идентичности отдельными участниками процессов глобализации мировой экономики. С другой стороны, как это сегодня совершенно очевидно, формированию «новой европейской идентичности» в рамках государств-членов ЕС очень мешает именно разный уровень экономического развития этих государств. Так что, на наш взгляд, столь оптимистично заявлять сегодня о появлении нового феномена в мировой политике – «гражданине мире» – несколько преждевременно. Однако, этот вопрос требует детального исследования. В конце данной статьи я обращусь еще раз к понятию «гражданина мира» в философии Хабермаса.

Важнейшим достижением Французской революции – также, как и Американской, по мнению Хабермаса, было признание важности демократических идей в обществе, прав и свобод отдельного человека, приведших к созданию новой модели государства – демократического правового государства. Постепенно изменяется и отношение к патриотизму и правам гражданства, которые перестают ограничиваться лишь рамками этнического происхождения. «В этих условиях дело идет к тому, чтобы возвратиться к идее бюргера как гражданина (Citoyen), которая является более открытой и менее застывшей, чем традиционная идея национальной принадлежности».¹¹

Однако, институализация равных свобод, так сказать, «этнических» граждан общества и переселенцев, получивших со временем гражданство в том же государстве, – не единственное важное достижение

Французской и Американских революций. По мнению Хабермаса, хотя обе эти революции выступали за развитие индивидуальных прав и свобод человека, между ними есть различие: Американская революция являет собой определенную последовательность событий, приведших к созданию «Декларации прав человека», тогда как Французская революция осуществлялась ее инициаторами вполне сознательно. В этом осознанном протесте против засилья застывших форм традиционного общества и состоит особенность Французской революции.

Во Франции появляется новый тип сознания и отношения к миру, а также возникает и новое представление о легитимности: «Специфике эпохи Нового времени соответствуют историческое сознание, которое порывает с традиционализмом «естественных» континуумов; восприятие политической практики под знаком самоопределения и самоосуществления; доверие к разумному дискурсу, который должен быть основой в процессе легитимации любого политического господства. Именно через эти три аспекта в сознании населения, ставшего мобильным, вторгается радикальное светское, постметафизическое понятие политического».¹² Изменяется отношение к времени, а процессы модернизации общества ускоряют его ход; важной характеристикой времени становится не приверженность членов общества вековым традициям, а устремленность сознания людей в будущее.

Кроме этого, переоценивается роль индивида в обществе – индивид занимает все более активную позицию и, таким образом, становится творцом своей судьбы. Ключевыми понятиями становятся социальные понятия автономии и самоосуществления человека в обществе.

Принципиальным моментом социальных наук Нового времени является отказ от религиозного или метафизического обоснования понятия политического господства – политика отныне должна обосновываться только силами разума. Теория политического господства начинает обосновываться с помощью «индивидуалистически заостренного» понимания свободы и универалистского понимания справедливости: «Так создалась возможность понимать революционную практику как основывающееся на теоретических началах осуществление прав человека; саму революцию, казалось, нужно было выводить из основоположений

¹⁰ Ср.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 60.

¹¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 61.

¹² Там же, С. 62.

практического разума. Такое самовосприятие объясняет также влияние проектов «общества мысли» и активную роль «идеологов».¹³

Такая возможность активного воздействия на формирование политической воли в обществе, отмечает Хабермас, – имело для теории демократии негативные последствия, а в политической практике привело к разрушительным результатам. Ну а к каким последствиям может привести сила слова и политических технологий по манипулированию человеческим сознанием (Э. Кассирер) со всей полнотой показала печальная история XX века.

Таким образом, Хабермас определяет понятие политического не из него самого и не в терминах «друг – враг» как это делает, к примеру, немецкий теоретик авторитаризма Карл Шмитт, а с помощью обращения к рационалистической традиции дискурса. Понятие свободы рассматривается у него в соотнесении с идеей народного суверенитета, а детально обосновывается в его теории дискурса и делиберативной демократии. Понятие народного суверенитета означает не что иное, как такое состояние права в государстве, когда на место модели договора между индивидами ставится процесс открытых дискуссий участников коммуникации.

Таким образом, формирование общественного мнения происходит не в форме компромисса, но в виде открытой публичной дискуссии, направленной на «рациональную приемлемость правил в свете общих интересов и ценностных ориентаций. Субъекты права – это не собственники самих себя и не солидарные частицы целого – народа, а индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга, что и обеспечивает социальную интеграцию автономных индивидов».¹⁴ Говоря о личной свободе индивида, Хабермас имеет в виду не только достижение консенсуса между различными интересами, но и соотнесение между собой дискурса этического самопонимания и юридической справедливости.

2. «Гражданство и национальная идентичность»

Хабермаса занимает и вопрос о культурном влиянии национальной идентичности на развитие государств. Первоначальные идеи на эту тему были высказаны им в эссе «Гражданство и национальная идентичность».

«История политической мысли», опубликованном в 1990 отдельной книгой; позже эта небольшая работа была включена в состав книги «Фактичность и значимость». В более позднем труде «Вовлечение другого» вся третья часть книги посвящена рассмотрению вопроса о том, «есть ли будущее у национального государства?»

Философ отмечает, что зачастую идеализируемое или же превратно истолковываемое понятие «нации» дает предостаточно поводов для самых различных спорных утверждений. С помощью понятия нации его приверженцы апеллируют то к «мнимому» праву на национальное самоопределение, то сталкивают позиции мультикультурности и политики прав человека, или же начинают относиться с подозрением к передаче суверенных прав «сверхнациональным учреждениям». «Апологеты этнической нации не признают, что именно впечатляющие исторические завоевания демократического национального государства и республиканские принципы его устройства могут поучить нас тому, как следует подходить к актуальным проблемам неизбежного перехода к постнациональным формам общественной организации».¹⁵ Поэтому Хабермас и пытается разобраться в таком щепетильном вопросе как нация и национальное самосознание с предельной осторожностью и тщательностью.

Для того, чтобы яснее выразить свою позицию, Хабермас обращается к политической истории XX века. Здесь он выделяет три события, которые напрямую связаны с вопросами гражданства и национальной самоидентичности государств:

1. Объединение Германии, распад СССР и союза стран Варшавского договора породили целый ряд национальных конфликтов, прежде всего, в Восточной Европе и заострили вопрос о будущем национального государства;

2. Другой важной вехой прошлого столетия стало становление Сообщества Европейских Государств, явственно продемонстрировавшее для всех тот факт, что демократические процессы в рамках национальных государств сильно отстают от процессов экономической интеграции;

3. Третьим важным фактором в Европе стало появление огромной волны мигрантов из бедных стран в более богатые, тем самым обостряется противоречие между «универсалистскими основоположениями демократического правового государства, с одной сторо-

¹³ Там же, С. 66.

¹⁴ Марков, Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 30.

¹⁵ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 49.

ны, и партикуляристскими требованиями сохранения цельности установившихся форм жизни – с другой».¹⁶

По поводу событий в Германии и в Восточной Европе Хабермас замечает, что эти события послужили толчком для возобновления дискуссий о путях построения т.н. «постнационального» общества. Эти дискуссии ведутся в Германии уже давно,¹⁷ а необходимость присоединения «новых» земель бывшей ГДР к «старым» землям ФРГ породило множество неожиданных вопросов.

Такое положение дел проистекает не только из-за разнонаправленности интересов различных политических партий в ФРГ, полагает философ, но и из-за использования не до конца проясненных понятий. Если, к примеру одна из спорящих партий рассматривает присоединение новых земель как восстановление первоначального единства Германии – то здесь нация понимается как дополитическое единство или как общество исторической судьбы.

Другая точка зрения на этот вопрос, когда речь идет лишь о восстановлении демократии на территории бывшей ГДР – т.е. здесь подразумевается, что и ГДР и ФРГ все же являются нациям граждан. В этом случае понятие нации как субъекта государства лишается своего значения дополитической народности, присущего этому термину в философии Нового времени.

А исчезновение «семантической связки между [понятиями] гражданства и национальной идентичности отражает тот факт, что сегодня, с превращением Европейского сообщества в политический союз, постепенно исчезает и классическая форма национального государства».¹⁸ По мнению Хабермаса, ход истории Европы приводит в эпоху Нового времени к тому, что ставится под вопрос такая форма существования государств как империя – Римская, Османская или Российская. Появляется и постепенно набирает силу новая форма организации государств – федерация – в Швейцарии федеративное государственное устройство помогает избавиться от различного рода межэтнических конфликтов.

¹⁶ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 209-210.

¹⁷ См.: Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart 1990; Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich 1991.

¹⁸ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 211.

Однако наибольшее значение в Европе в то время получает все же третья форма государственного устройства – централизованное территориальное государство – как в Португалии, Испании, Франции, Англии, Швеции. Изначально такая форма возникает из королевств, демократизируемых по французскому образцу. Именно этот вид государственного устройства и создал те рамочные условия, когда капиталистическая форма хозяйствования доказала свою наибольшую эффективность и поэтому получила широкое распространение по всему миру.

В классической политологии, отмечает Хабермас, понятие народа и этноса были четко отграничены друг от друга: народ обладает общественным мнением и способностью к рациональному волеизъявлению, этнос же есть исторические дополитическая форма общества индивидов, в основе которой лежат принципы кровного родства. Этнические общности «старше наций, которые, хотя и базируются на неких натуралистических мифах, являются искусственными образованиями. [...] Инфляция национального [...] приводит к эскалации этнического. Этнологическое понятие нации призвано реанимировать «чувство-мы» на более широкой, нежели кровно-родственная, основе».¹⁹

Хабермас отмечает, что именно национальное государство сформировало «инфраструктуру для управления, воспитанного в духе правового государства, и предоставило гарантии существования определенного пространства индивидуальной и коллективной деятельности, свободного от государственного вмешательства [...] и создало основу для формирования культурной и этнической гомогенности, благодаря которой с конца XVIII в. смогла осуществиться демократизация государственной системы – хотя, конечно, ценой подавления и изоляции национальных меньшинств. Национальное государство и демократия – близнецы, порожденные французской революцией. В культурном плане они стоят в тени национализма».²⁰ Такое национальное самосознание является специфическим способом культурной интеграции народов в Европе, характерным для эпохи Нового времени.

Основные массы населения в ходе этой культурной интеграции оказываются «вырванными» из своих тра-

¹⁹ Марков, Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. С. 27-28.

²⁰ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 212.

диционных сословных связей – отныне главную роль начинают играть процессы экономической и социальной модернизации и мобильности населения. Таким образом, полагает Хабермас, мы приходим к тому, что население национального государства оказывается и мобилизовано, и разобщено одновременно.

Национализм являет собой не что иное, как определенный вид сознания людей, возникший в процессе «фильтрации» истории государства и рефлексивного усвоения культурных традиций данного народа. Носителями национального самосознания являются образованные слои населения, а идеология национализма распространяется посредством литературы и публицистики. Такого рода каналы распространения идей национализма с помощью средств современной массовой коммуникации делают идеологию национализма уязвимой в отношении разного рода манипуляций и злоупотреблений.

Исторически национализм и национальное государство берут свое начало в понятии «нации». Так, у римлян «Natio» было именем богини рождения. Это понятие означало цивилизованный политический союз в противоположность варварским языческим народностям. Во времена Французской революции нация граждан обретает свою идентичность не в «этнически-культурных сходствах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие и коммуникацию. Здесь республиканская компонента [идеи] гражданства полностью освобождается от принадлежности к дополитическому сообществу, интегрированному через происхождение, общие традиции и язык. Рассмотренный в этой перспективе первоначальный сплав национального сознания и республиканских убеждений оказывается выполняющим лишь функцию катализатора».²¹

Хабермас подчеркивает, что на возникновение национализма повлияли как историзм, так и идеи романтизма. Постепенно национализм встает на место естественной унаследованной национальности и становится искусственным конструктом – особой формой духа.

Хабермас указывает на существование в философии права двух противоположных трактовок понятия гражданства – либеральную и республиканскую – о различии в трактовке понятия демократии в либерализме и республиканизме уже говорилось ранее. Либеральная традиция естественного права, развиваемая первоначально в трудах Локка, говорит об инди-

видуалистически-инструменталистском понимании роли гражданина. Республиканская традиция, напротив, развивает коммунитаристски-этические представления в духе идей Аристотеля. «В первом случае гражданство понимается по образцу членства в какой-либо организации, которое обосновывает правовое положение [гражданина], во втором – по модели принадлежности к самоопределяющемуся этически-культурному сообществу».²²

В либеральной традиции индивиды являются чем-то «внешним» по отношению к государству (которое, как известно, в капиталистической экономике вправе выполнять лишь роль «ночного сторожа» при государстве) – они вносят свой вклад в работу государства, а взамен пользуются организационной структурой государства для достижения своих собственных целей. Республиканцы же выступают за полную интеграцию граждан в политическое сообщество как части в целое.

Современные мультикультурные общества – такие как Швейцария или США являют нам пример того, что политические принципы построения государственной целостности не обязательно должны основываться на общем для всех граждан этическом или языковом фундаменте: «Либеральная политическая культура образуют лишь общий знаменатель конституционного патриотизма, который одновременно обостряет ощущение многообразия и неприкосновенности различных форм жизни, сосуществующих в мультикультурном обществе».²³ Именно такая модель, по мысли Хабермаса, и должна быть принята в качестве основы для строящегося Европейского Сообщества. Итак, Хабермас твердо убежден в том, что идеи демократического гражданства носят универсальный и наднациональный характер.

Национализм в Европе в эпоху Нового времени способствовал как возникновению современной политической карты Европы, так и распространению формы капиталистического хозяйствования по всему миру. Рассматривая процесс создания объединенного Европейского сообщества, в качестве основной политической проблемы для граждан ЕС Хабермас называет увеличение разрыва между «вовлеченностью» и «участием»: «Все возрастающее число мер, решения о которых принимаются на наднациональном уровне, вовлекает в свою орбиту все большее число граждан во все более широких жизненных сферах.

²² Там же, С. 219.

²³ Там же, С. 223.

²¹ Там же, С. 214.

Но поскольку роль гражданина эффективно институционализована только в пределах национальных государств, граждане лишены всяких реальных возможностей тематизировать всеевропейские решения и оказывать на них влияние».²⁴

Либеральные права генетически возникли из общественного положения частного собственника, а функционально либеральные права – это институализация рыночной системы, нормативно они гарантируют справедливое компенсаторное распределение общественного богатства. Поэтому либеральная основа Европейского Сообщества как надгосударственного единства должна смягчить неизбежные трения между отдельными государствами, входящими в это сообщество.

Интересно, что Хабермас даже сравнивает систему Европейского сообщества с великими империями, имевшими только один шанс появиться и затем навсегда исчезнуть на мировой арене. В качестве исключения из этого сформулированного им самим правила, он полагает, что современная Европа получила сегодня второй такой шанс.²⁵ С тем однако отличием, что этот шанс может быть реализован, если только европейские политики откажутся от проведения привычной силовой политики и будут учитывать изменившиеся условия, диктующие достижения не-имперского взаимопонимания с другими народами и культурами.

Как ясно явствует из всего вышесказанного – и я повторюсь в этом моменте – Хабермас однозначно выступает за *универсалистское понимание* либеральных принципов. По его мнению, идентичность политической общности, держится прежде всего на «укорененных в политической культуре правовых принципах, а не на особой этнически-культурной форме жизни в целом».²⁶ Политическая практика демократического государства не допускает существование какой-либо привилегированной культурной формы жизни в государстве. Хабермас также убежден в том, что появление статуса «гражданина мира» не только возможно, но что основные контуры мирового гражданства в своих основных чертах начинают прорисовываться уже сегодня.

²⁴ Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 227.

²⁵ Там же, С. 233.

²⁶ Там же, С. 243.

Библиография:

1. Кант И. Сочинения в 6-ти томах. М., 1965. Т. 4.
2. Марков, Б. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008.
3. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. СПб., 2008. 417 с.
4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции интервью, Москва, апрель 1989 г. М., 1995. 250 с.
5. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
6. Fröbel J. System der sozialen Politik. Mannheim 1847. (Aachen 1975).
7. Fröbel J. Monarchie oder Republik. Mannheim 1848.
8. Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart 1990.
9. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich 1991.

References (transliteration):

1. Kant I. Sochineniya v 6-ti tomakh. M., 1965. T. 4.
2. Markov, B. V poiskakh drugogo // Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoy teorii. SPb., 2008.
3. Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoy teorii. SPb., 2008. 417 s.
4. Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost': moskovskie lektzii interv'yu, Moskva, aprel' 1989 g. M., 1995. 250 s.
5. Khabermas Yu. Grazhdanstvo i natsional'naya identichnost' // Khabermas Yu. Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. M., 1995.
6. Fröbel J. System der sozialen Politik. Mannheim 1847. (Aachen 1975).
7. Fröbel J. Monarchie oder Republik. Mannheim 1848.
8. Glotz P. Der Irrweg des Nationalstaats. Stuttgart 1990.
9. Habermas J. Vergangenheit als Zukunft? Das alte Deutschland im neuen Europa? Ein Gespräch mit Michael Haller, Zürich 1991.